

Недавно в Руайан

Ричард просидел здесь почти час. С тех пор, как Софи уехала, он не знал, что с собой делать. По крайней мере, он был полезен, помогая ей. Он не хотел очередной год подряд застревать дома и вспоминать годовщину трагичной смерти Франсуазы. Несчастный случай произошел с ней так внезапно, что он все еще не смог это пережить. Приехал сюда на выходные из Бордо, он тут был не впервые. Бывали тут иногда вместе с Франсуазой и заглядывали в этот бар. За долгие годы в нём ничего не менялось, за счёт чего он стал выглядеть неприглядно. Могли бы поменять лакированную тёмно-коричневую мебель времён де Голля или хотя бы освежить стены. Он пил вино маленькими глотками, вглядываясь в картину на противоположной стене. Делал это каждый раз, когда посещал это заведение. Он пытался выяснить, что художник хотел передать, и, как ни странно, постоянно менял собственные интерпретации.

Ну а что же должна была означать тёмно-синяя рыбацкая лодка, перевёрнутая вверх дном, с большой овальной дырой? От надписи на носу осталась лишь первая буква «М.....». Остальные смыло водой и стёрло песком. Он не был уверен, выбросило ли её море или же старую изношенную лодку забросил хозяин, который решил, что ремонт уже не имеет смысла.

Если первая версия верна, то её экипаж мог утонуть во время бушующего шторма в океане. В этом маленьком городке на Бискайском полуострове помощи не следовало ожидать. Теперь лодка уже много лет лежит на берегу, потому что у неё нету хозяина. Может быть, поэтому ею никто не занимался, и даже ни одной доски не использовал в качестве дров. Но подходит ли смоляное дерево для печи?.. Он понятия не имел.

В баре было несколько человек. В одном углу разместилась старшая пара. Они пили обычное домашнее вино, смакуя его, как старинный Шато Приньяк. Двое молодых, скромно одетых, сидели за столиком в конце зала. Глядя друг на друга, ели какую-то рыбу. Они мало разговаривали. Были похожи на влюбленных, которые вместе желали изменить судьбу, с которой тягались изо дня в день. «Два человека лучше, чем один», - подумал Ричард, сравнивая с собственным одиночеством. Вдвоём им будет легче, а если еще и любят друг друга? При барной стойке, на высоком табурете сидел молодой блондин. В кофе бросил уже четвёртый кубик сахара и мешал, мешал...

Бармен стучал пальцами в такт мелодии, которая издавалась из старинного радио, стоящего на деревянной полке. Волнообразные тона аккордеона не смогли сменить сонную атмосферу бара, а наоборот, лишь усиливали её. Глаза Ричарда снова переместились в сторону картины, когда внезапно прямо над своей головой он услышал:

- Могу ли я присесть?

Рядом он увидел старого мужчину с кудрявой седой бородой. На его загорелом лице, омытым ветром и солёной водой, мелькала весёлая улыбка.

- Пожалуйста! – ответил.

Он впервые видел кого-то с такой эксцентричной внешностью.

- Я Пьер, - сказал старик, и сел напротив.

Широкая шляпа с приподнятым краем спереди, вероятно, хорошо защищала от шторма и ветра. Плотная жесткая куртка надежно защищала тело от холода и влаги. Белые брюки, довольно узкие в коленях, расширились к талии. Высокие и длинные сапоги из сырой и неокрашенной кожи выделяли резкий запах.

- Приятно познакомиться, Пьер, - сказал он. И тут же откровенно продолжил:

- Ваши сапоги просто пахнут рыбой, это возможно?

- Они пропитаны рыбьим жиром, я это сделал, чтобы защитить кожу от действия морской воды.

Бармен принёс бутылку старого бренди и два больших стакана.

- Спиртное заказал ваш гость, - добавил он, глядя ему в глаза.

Когда бармен ушёл, первым заговорил Пьер:

- Позволь мне, Ричард, тебе кое-что рассказать, - сказал он. От недоумения глаза Ричарда широко открылись.

- Откуда знаешь моё имя, Пьер?

- Послушай меня, пожалуйста. Пьер наполнил стаканы.

- Давным-давно, тут, в Руайан, на протяжении многих поколений, жила семья рыбаков. Два брата близнеца влюбились в Мэделейн. Милая блондинка с голубыми

глазами жила в соседнем селе. Не оставляли Мэделейн, пожирая взглядом каждое её движение, жест, улыбку. Не видели мира за её пределами.

Один контролировал другого, опасаясь, что брат заберёт её у него. На рыбалку, на рынок, всегда ходили вместе. Они соревновались в ухаживаниях, подарках. На играх Мэделейн танцевала только с ними, ни один поклонник даже не пытался пригласить её на танец, из-за страха перед близнецами. Не только одновременная безумная любовь братьев к Мэделейн воспламеняла их сердца. Со временем в низ разгоралась взаимная ревность, обоюдная подозрительность и болезненная ненависть. Долгие годы Мэделейн принимала доказательства любви от братьев, кокетничала с обоими, но не выбирала ни одного. А они думали лишь о ней. Их соперничество сопровождалось растущей нескрываемой враждебностью.

Однажды вечером, за две недели до Рождества, братья решили, что пора уладить спор касательно Мэделейн. Договорились, что чей улов той ночью будет обильным, тот станет ей мужем. Пускай решают: умения, судьба и удача. Никто из тех, кто наблюдал за двумя лодками, тёмно-синей и зелёной, выплывающими за ночным уловом, не знал о их решении. Их упрямство лишило их здравого смысла, потому что в тот день другие рыбаки отказались от рыбной ловли из-за надвигавшегося шторма.

Братья ловили рыбу как обычно, в небольшом расстоянии друг от друга, имея другую лодку в поле зрения. Выбрали место, довольно близкое к суше, но опасное из-за высокого обрыва и скал, скрытых под водой. В тот вечер океан был беспокойным. Высокие волны и ветер уносили лодки вдоль побережья к выдающемуся мысу, скалы которого зловеще выступали, переливаясь серебряным лунным светом.

Тёмно-синяя лодка, не сумев уйти от огромной волны, набрала много воды и постепенно погружалась в омут. Течение сносило беззащитную оболочку на скалы. Один из братьев, который плыл на ней, стоя уже по пояс в воде, двигался вплавь. Спустя время, длинную почти в вечность, он доплыл до зелёной лодки своего брата и ухватился за борт руками. У него больше не было сил подняться на борт. Прошли долгие, бесконечные мгновения, когда его руки и пальцы ослабли, его тело застыло в ледяной воде, и туман начал окутывать его глаза.

Когда он открыл глаза, он лежал, накрытый брезентом. Он видел, как над ним наклонился брат, который крепко держал его за руку. Придя в сознание, он немного

приподнялся и увидел за бортом корабля прибрежные дюны. Океан на мгновение забыл о своей стихии и позволил волнам унести лодку к берегу, куда-то далеко, за мыс и порт.

Он лег на дно лодки и закрыл глаза. Волны однообразными рывками перемещали лодку по песку все дальше и дальше к дюне.

На следующий день Мэделейн напрасно ждала своих поклонников. Известие о событии, которое могло закончиться огромной трагедией, дошло до нее через неделю. День за днем проходили в ожидании чего-то, что никогда не наступило. Ни один из братьев не пришел к ней, и даже не посетил деревню, в которой она жила.

Здесь Пьер прервал свой рассказ, обращаясь к нему:

- Ричард, я знаю, что ты здесь не в первый раз и не приезжаешь сюда случайно. Непреодолимая сила означает, что, хотя ты и немного знаешь об этом городке, возвращаешься, чтобы посмотреть на эту картину. Ты, наверное, догадываешься, что блеклая надпись, которая когда-то виднелась на борту тёмно-синей лодки, разбившейся и выброшенной на берег, это имя Мэделейн. Это была лодка Роберта. Обе лодки были названы её именем.

- Видишь ли, Ричард, ты являешься деликатным и добрым человеком, думая о лодке и воображая возможные нити старой истории, ты спровоцировал последовательность напряжений и мыслей, которые могут изменить чью-то судьбу. Уже ничто не изменит смерти твоей жены, Франсуазы, ты ничего не можешь с этим поделать. Однако тебе есть чем заняться: ты должен это знать – твоя дочь Софи, идёт по стопам Мэделейн. Не потеряй и её.

- Пьер, скажи мне, как звали брата-близнеца, который спас Роберта?

- Рассмотрю картину, Ричард, рассмотрю её хорошо, сказал Пьер.

В этот момент свет в баре погас, а когда включился вновь, Ричард почувствовал, как его слегка дёргают за плечо. Он увидел над собой бармена.

- Сэр, уже очень поздно, мы уже закрываемся. Вы спите уже почти час, не хотел Вас будить, но уже пора.

Очевидно, он сидел один, и кроме бармена в помещении никого не было. Он вскочил из-за стола и побежал к картине. Было на ней всё, что он помнил уже ранее. Он снял раму со стены и посмотрел на обратную сторону.

Виднелась там надпись:

Моему брату, Роберту Бессону, на память – Пьер. Руайан, 1887.

Ричард оставил бармену большие чаевые и попросил, чтобы тот позволил ему задержаться в баре еще на мгновение. Он присел, и набрал номер мобильного телефона Софи. Через миг услышал: - *Папа? – Папа?*

- Софи, когда ты приедешь? Я скучаю по тебе, нам нужно поговорить! Ты не звонишь и не пишешь, я переживаю за тебя!

- Пока не знаю, зависит от обстоятельств. Пап, это действительно срочно?

- Да, это для нас двоих очень и очень важно. Поверь мне, Софи!

Договорились, что она приедет в субботу, через неделю. Ричард ночью вернулся в Бордо. По приезду он подробно изучил записи Софи на Фэйсбуке, Инстаграме и Твиттере. Прочитал электронные письма и сообщения за последние несколько месяцев. Он пришёл к выводу, что Пьер был прав. Его ждала непростая и тонкая задача. Знал, что как отец, он обязан её выполнить. Он не мог подвести Франсуазу, себя, и, прежде всего, Софи.